

УДК 821.161.1-192(Цой В.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)-8,445
Код ВАК 10.01.01
ГРНТИ 17.07.41

Д. И. ИВАНОВ, ПУ ЖУН

Иваново

**ПУТЬ ДРАКОНА:
ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО ВИКТОРА ЦОЯ
(СИСТЕМА ВОСТОЧНЫХ КОДОВ)**

Аннотация: В рамках данного материала мы обозначаем и рассматриваем основные зоны активизации и функционирования системы восточных кодов на разных уровнях: 1) на уровне биографической личности В. Цоя; 2) на уровне понимания В. Цоем общей концепции творчества; 3) на уровне «текста жизни» и «текста смерти» В. Цоя; 4) на уровне конкретных поэтических текстов, образов и мотивов.

Ключевые слова: семантический код, биографический миф, рок-культура, поэтический текст.

Сведения об авторе: Иванов Дмитрий Игоревич, кандидат филологических наук.

Место работы: Ивановский государственный университет.

Должность: доцент кафедры практического русского языка.

Контакты: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39; Ivanb10@yandex.ru.

Сведения об авторе: Пу Жун, магистрант кафедры практического русского языка филологического факультета Ивановского государственного университета.

Контакты: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39; Zhun.pu@mail.ru.

D. I. IVANOV, PU ZHUN

Ivanovo

**THE WAY OF THE DRAGON:
PERSONALITY AND WORK OF VIKTOR TSOI
(SYSTEM OF ORIENTAL CODES)**

Abstract: In this material, we denote and research the main areas of activation and functioning of the system of oriental codes at different levels: 1) at the level of individual biographical V. Tsoi; 2) at the level of understanding of the general concept of V. Tsoi creativity; 3) at the level of «text of life» and «text of death» of V. Tsoi; 4) at the level of specific poetic texts, images and motifs.

Key words: semantic cod, biographical myth, rock culture, poetic text.

About the author: Ivanov Dmitry Igorevich, Candidate of Philology.

Place of employment: Ivanovo State University.

Post: Associate Professor of the Department of Practical Russian.

About the author: Pu Zhun, Master's Degree Student of the Department of Practical Russian, Faculty of Philology, Ivanovo State University.

С уверенностью можно говорить о том, что предельно мифологизированная, таинственная фигура Виктора Цоя занимает особое место не толь-

ко в рамках «героической» эпохи русского рока, но и в пространстве современной культуры в целом. Образ В. Цоя обладает мощной магнетической и даже гипнотической энергетикой, получающей предельную актуализацию в поле ретроактивной мифологии, которая продолжает активно развиваться в пространстве воспринимающего сознания. Действительно, что-то заставляет учёных, журналистов, писателей, музыкантов, актёров, режиссёров и простых людей вновь и вновь обращаться к жизни, смерти и творчеству В. Цоя.

Здесь достаточно вспомнить проект «Кинопробы», творчество рок-группы «Виктор» (концепция которой полностью построена на мифологии личности В. Цоя), фильмы «Пыль», «Игла-ремикс», «Сёстры», многочисленные биографические передачи и фильмы, фильмы памяти, посвящённые В. Цою («Виктор Цой. Жизнь как кино» (2005 г.); передача «Тайные знаки. “Тот, кому умирать молодым...” Кинодрама Виктора Цоя» (2008 г.); передача «Виктор Цой: Здравствуй, последний герой» (2010 г.); «Виктор Цой. Вот такое Кино» (2012 г.) и многие другие). Здесь же отметим мультикультурную специфику цоевского мифа. Тексты песен В. Цоя переведены на английский, корейский, японский и другие языки, а личность и творчество поэта вызывает большой интерес за пределами России, например, в Корее, Таиланде, Америке, Японии и некоторых других странах.

Особый интерес в данном контексте вызывает движение киноманов. Важно, что многие представители этой субкультурной группы не просто являются поклонниками творчества В. Цоя, они стремятся копировать мимику, стиль (одежда чёрного цвета), манеру поведения, речи и даже жизни, возводя тем самым В. Цоя в ранг учителя, несущего людям слово истины. Вполне закономерным в данном контексте представляется то, что питерская кочегарка (место, где работал В. Цой), могила и место гибели, превратились в места паломничества, куда люди приходят, чтобы отдать дань уважения, спросить совета у своего духовного наставника.

Отдельно необходимо сказать о том, что порой это «поклонение» приобретает некие гипертрофированные, искажённые формы. Речь идёт о феномене двойничества, о случаях, в которых человек начинает не просто «играть» в В. Цоя, а пытаться полностью «заменить» своё «Я» личностью В. Цоя, то есть провести акт искусственной реинкарнации, повторного воплощения личности кумира в своём теле. Отметим, что это довольно опасный опыт, так как можно полностью стереть грань между реальным и нереальным и в результате потерять себя. Однако, несмотря на это, такие случаи не единичны. Ярким примером подобного эксперимента над жизнью является опыт «Ромы легенды» Сергея Кузьменко.

В данном контексте возникает справедливый вопрос: какова природа духовного магнетизма личности В. Цоя, на чем основан её мощный резо-

нирующий потенциал, который в отдельных случаях приобретает вирусный характер?

Безусловно, может возникнуть ощущение, что ответ на этот вопрос уже найден. Дело в том, что В. Цюю в рамках «текста жизни» и «текста смерти» удалось создать целостный, самодостаточный, герметичный миф о романтическом герое, последнем герое уходящей эпохи, что, несомненно, подтверждает анализ биографии, поэтологической системы текстов поэта и анализ кинематографических ролей В. Цюя (имеется ввиду герой В. Цюя Моро в фильме Р. Нугманова «Игла»).

Однако, как нам кажется, недостаточно прояснённой является природа и истоки самого цюевского героизма. На наш взгляд, приблизиться к разгадке тайны личности В. Цюя можно через актуализацию системы восточных кодов, которая активизируется и функционирует на всех уровнях «текста жизни» и «текста смерти» В. Цюя и играет определяющую роль в развитии и распространении цюевского мифа. Мы считаем, что система восточных кодов выступает в роли своеобразного семантического ключа, фундамента, первоосновы творческой личности В. Цюя, поэтому процесс её дешифровки невозможен без учёта данных когнитивных компонентов.

В рамках данного небольшого материала мы только обозначим основные зоны активизации и функционирования системы восточных кодов в пространстве мифологии личности В. Цюя и представим короткий комментарий каждой зоны.

1. Специфика творческой индивидуальности В. Цюя генетически предопределена тем, что он уже при рождении являлся носителем двух концептуальных картин мира (корейской (восточной) и русской). Можно предположить, что русская национальная картина мира в сознании поэта являлась доминирующей (достаточно часто можно встретить высказывания журналистов о том, что в текстах В. Цюя чувствуется русская душа). Однако, на наш взгляд, не всё так просто. Дело в том, что доминирование русской картины мира над восточной представляется достаточно условным. Корректнее было бы говорить о симбиозе, синтезе, о гармоничном взаимодействии двух концептуальных систем в сознании В. Цюя. Более того, русская картина мира особым образом накладывается на восточную, произрастает из неё. Безусловно, В. Цюю создавал свои поэтические тексты на русском языке, но сама форма стиха, основанная на принципах лаконизма, внешней простоты, глубины и точности каждого слова несёт в себе элементы восточного стиля и восточной философии. Заметим, что по этой же модели и по этим же принципам создаётся и биографический миф В. Цюя. Об этом мы будем говорить ниже, а здесь остановимся на некоторых биографических моментах, например, страстное увлечение восточными единоборствами, вырезание деревянных фигурок нецке и особый интерес к восточной философии.

Отдельно следует сказать о том, какую роль в процессе формирования личности В. Цюя сыграл Брюс Ли (Ли Сяю Лун). Б. Гребенщиков вспоми-

нает: «И когда я увидел у Витьки на шкафу изображение Брюса Ли, я обрадовался, поскольку уже есть, о чём говорить <...> А Брюс Ли оказался очень уместен, и там ещё нунчаки висели на стене. Я сам к этому времени уже года два, приезжая в Москву к Липницкому, садился и, не отрываясь, пересматривал все фильмы с Брюсом Ли, какие только в этот момент оказались в доме <...> Я за нунчаки сразу схватился, порадовался любимому оружию, и Витька показал, что он с ними делает. А получалось у него здорово. То ли в крови что-то было, то ли что – но это производило впечатление блестящее – почти Брюс Ли! <...> Под Брюса Ли и нунчаки мы вино-то всё и выпили. И впали в особое медитативное состояние, замешанное на “новом романтизме”, Брюсе Ли и китайской философии» [3, с. 180–181]. Константин Кинчев замечал: «Цой хотел быть как Брюс Ли – кумир его» [4, с. 142]. Размышляя о влиянии Брюса Ли на В. Цоя А. Липницкий отмечал: «Мне довелось “познакомить” Виктора с боевым искусством Брюса Ли, - свидетельствую, что более пытливого и внимательного зрителя у Брюса в моём доме не было <...> Интересно, что добившись впечатляющих успехов на тренировках, Цой ненавидел острые, “угловые” ситуации в жизни» [3, с. 151].

2. Присутствие комплекса восточных кодов на генетическом уровне сознания В. Цоя отражается не только на реальной биографии В. Цоя, но и на специфике его концепции понимания творчества, как некоего тайного, недоступного внешнему миру и окружающим таинству души (движения духа, определённого внутренними импульсами). Искусство для В. Цоя – это естественный, органичный процесс: «Я ничего не “создаю”, просто выхожу на сцену и пою. Я сам – образ» [3, с. 238]. Подчеркнем, что в этом понимании творческого процесса вновь проявляется близость к восточному контексту, в частности к концепции искусства Брюса Ли, изложенной в книге Брюса Ли и М. Уехара «Боевая школа Брюса Ли: Философия и дух бойца». Определяя сущность искусства, Брюс Ли отмечал: «Целью искусства является демонстрация внутреннего мира, воплощение в эстетическом произведении глубочайшего духовного и личного опыта человеческого бытия. Оно способно сделать понятным эти переживания и даёт возможность осознать их в рамках идеального мира. Искусство проявляется в духовном понимании внутренней сущности вещей и является формой общения с природой абсолюта. Искусство есть воплощённое впечатление от жизни, и оно преодолевает границы времени и пространства. Мы должны попытаться с помощью искусства придать нашим душам новые формы и новое отношение к природе и миру. Самовыражение мастера демонстрирует его душу. За каждым движением мастера скрывается музыка его души. В противном случае, движение является “пустым”, а “пустое” движение подобно пустому слову – оно не имеет значения» [1]. В данном контексте особый интерес вызывает композиция В. Цоя «Песня без слов». Обратим внимание на семантику названия. На наш взгляд, в нём выражена общая концепция создания поэтических текстов и текста жизни. Это кон-

цепция очищения, отсечения пустых, лишних слов. В текст могут быть помещены только важные, необходимые, ёмкие лексические единицы, так как только в этом случае текст может стать художественным и отражать движение души поэта.

Итак, мы видим, что концепции В. Цоя и Брюса Ли совпадают в главном: искусство – это сакрализованный естественный, органичный жест, движение души мастера-поэта-актёра-человека: «Брюс Ли (как и Цой спустя годы) на вопрос “А в ваших фильмах вы выражаете себя?” ответил: “да – то есть честно и настолько, насколько могу”» [2, с. 58].

3. Исходя из того, что в концепции искусства В. Цоя восточный код является одним из центральных элементов, можно предположить, что он пронизывает (в разных вариантах и модификациях) всю мифобиографическую систему В. Цоя [2, с. 53-62], то есть внедрён в каждую сему (когнитивно-семантическую единицу) «текста жизни» и «текста смерти» поэта. В рамках данного материала у нас нет возможности рассматривать каждую сему отдельно (для этого необходимо отдельное исследование), поэтому мы ограничимся анализом двух ключевых сем: «герой» и «ночь».

Выше мы уже говорили о том, что сема «герой» является одним из ключевых, доминантных компонентов мифобиографической модели В. Цоя: «Как и Цой, Брюс Ли для многих – это объект для подражания, образец героя» [2, с. 58]. Однако перед нами не просто романтический герой-бунтарь, бескомпромиссный боец, это восточный герой духа («Если есть тело, должен быть дух» [5, с. 320]), учитель. Вот характерное высказывание поклонников В. Цоя: «Мы живём так, как этому он нас учил, как жил сам». Если вспомнить героя В. Цоя Моро («Игла»), то необходимо обратить внимание на один, на первый взгляд, малозначительный момент. Речь идёт о финальной сцене (драка Моро), после которой на лице героя появляются характерные ссадины, похожие на следы когтей. Интересно то, что они практически идентичны ранам Брюса Ли. Более того, этот же грим В. Цой использует и на концертах (известна видеозапись композиции «Легенда», на которой зафиксирован этот же грим. Важно, что именно эта композиция может быть рассмотрена как резюмирующий концептуальный элемент мифа о легендарном герое-учителе).

На наш взгляд, неоднократное использование данного грима не просто символично, он закономерно и вполне оправдано. Дело в том, что в контексте восточной философии эта метка (след когтя дракона или тигра) является символом нечеловеческой силы и власти. Укажем, что речь идёт не столько о физической силе, сколько о силе духа. Известно одно китайское поверье о том, что в помещениях (дом, квартира), где постоянно живёт человек, нельзя использовать изображение тигра или дракона, так как они сильнее человека и поэтому забирают его силу. Однако есть люди, которые способны завладеть силой дракона и тигра, тогда они «входят» в его сознание и подчиняются ему. Знаком подчинения и сверхсилы человека является так называемый след когтя дракона / тигра. В китайских вос-

точных единоборствах есть особый стиль, который называется «коготь дракона». Итак, перед нами возникает восточный герой духа, несущий в себе тайную силу и тайное знание.

Если говорить о семе «ночь», то следует указать на то, что ночь в данном контексте – это не просто любимое время суток поэта, а своеобразная, бездонная чёрная медитативная зона, пространство самопознания, в которое стремится восточный герой, которому «необходимо избавиться от всего, что скрывает истинный смысл, реальную жизнь. Это пространство безграничного познания, которое должно быть направлено на изучение не особой области, входящей в состав целого, а на целое, содержащее в себе эту область» [1].

4. Кроме того, система восточных кодов широко представлена непосредственно и в поэтических текстах В. Цоя, которые могут быть рассмотрены как своеобразный результат духовно-творческой деятельности В. Цоя. Рассмотрим несколько конкретных примеров.

В композиции «Троллейбус» («Последний герой», 1988) В. Цой чётко указывает направление духовного движения: троллейбус идёт на Восток. Как нам кажется, в данном контексте речь идёт не о географическом направлении, а скорее о движении духовном. Интересно ещё и то, что сам образ троллейбуса может быть рассмотрен как символ внешнего, враждебного, говоря языком Дао «пустого» мира, внутри которого герой идёт своим путем, выбирая простоту и глубину, то есть цельность бытия. Вспомним высказывание самого В. Цоя: «Каждый человек должен думать, прежде всего, о сохранении себя и стараться меньше зависеть от обстоятельств...».

Подобная мысль отражена и в композиции «Нам с тобой» («Чёрный альбом», 1990). Поэт просто обозначает хаотическую, дисгармоничную структуру окружающего мира: «Здесь непонятно где лицо, а где рыло, / И непонятно, где пряник, где плеть...» [6, с. 219]. Важно, что он не пытается ничего изменить, ограничиваясь лаконичным обозначением своего отношения («Мне не нравится то, что здесь было, / И мне не нравится то, что здесь есть» [6, с. 219]). Он просто определяет вектор своего существования, причём процесс этого определения не зависит от внешнего «пустого» мира.

Приведём ещё один небольшой пример. Речь идёт о композиции «Перемен», которую чаще всего интерпретируют как своеобразный социально-политический гимн. На наш взгляд, это не совсем верно, так как противоречит концепции автора песни. В. Цой неоднократно говорил о том, что это не политическая песня, речь в композиции идёт о возможности изменить что-то в себе, о том, как стать лучше, сильнее. Обратим внимание на небольшой фрагмент: «Сигареты в руках, / Чай на столе, / И больше нет ничего, / Всё находится в нас» [7, с. 138]. Нам кажется, что в этой простой формуле сконцентрирована главная идея даосизма: познание мира через познание самого себя, всё, что мы видим, чувствуем, переживаем, нахо-

дится исключительно в нас. То, как мы смотрим на мир, определяет его специфику. Отсутствие мира вне нас порождает пространство пустоты, которая отражается в нас и заполняется или не заполняется нами. Это и есть Дзен: «Путь познания кармы заключается в гармонии сознания и воли <...> Пустота есть нечто, которое находится точно посередине между “тем” и “этим”. Пустота содержит в себе всё и не имеет противоположности. В ней нет ничего, что исключало бы её или противостояло ей. Пустота существует потому, что все формы возникают из неё, но тот, кто воплощает в себе пустоту, наполнен жизнью, энергией и любовью от всего сущего» [1].

Итак, в рамках данного материала мы обозначили и коротко охарактеризовали основные зоны активизации и функционирования системы восточных кодов. Мы выяснили, что восточные коды представлены, во-первых, на уровне биографической личности В. Цоя; во-вторых, на уровне понимания В. Цоем общей концепции творчества; в-третьих, на уровне «текста жизни» и «текста смерти» В. Цоя; в-четвертых, на уровне конкретных поэтических текстов, образов и мотивов.

Литература

1. Брюс Ли, Уехара М. Боевая школа Брюса Ли: Философия и дух бойца [Электронный ресурс]: Электронная книга / Брюс Ли, М. Уехара // ModernLib.ru – бесплатная электронная библиотека – Режим доступа http://modernlib.ru/books/bryus_li (дата обращения 05.01.2014).

2. Доманский Ю. В. «Тексты смерти» русского рока. [Текст] / Ю. В. Доманский. – Тверь: Издательство «Твер. гос. ун-т», 2000. – 230 с.

3. Цой В. Смерть современных богов. Литературно художественный сборник [Текст] / Составители: А. Рыбин, М. Цой. – СПб.: Издательство «Шок рекордс», 1997. – 260 с.

4. Цой В. Стихи, документы, воспоминания [Текст] / Составители: А. Житинский, М. Цой. – Л.: Издательство «Новый Геликон», 1991. – 366 с.

5. Цой В. Песня без слов // Виктор Цой. Стихи, документы, воспоминания [Текст] / Составители: А. Житинский, М. Цой. – Л.: Издательство «Новый Геликон», 1991. – С. 330.

6. Цой В. Нам с тобой // Виктор Цой. Стихи, документы, воспоминания [Текст] / Составители: А. Житинский, М. Цой. – Л.: Издательство «Новый Геликон», 1991. – С. 219.

7. Цой В. Перемен // Виктор Цой. Стихи, документы, воспоминания [Текст] / Составители: А. Житинский, М. Цой. – Л.: Издательство «Новый Геликон», 1991. – С. 138.